
Краш-тест
для
мажора
Мышка и Нахал
«Деревенские страсти» • книга 2

Полина Велес

Краш-тест для мажора. Мышка и Нахал

https://litres.ru/74837353
SelfPub; 2026

Аннотация

— Спокойно, крошка, — глубоким, бархатным баритоном с легкой, интимной хрипотцой произношу я. — Давай опустим твое грозное пластиковое оружие.

— Зрачки на свет реагируют нормально, — задумчиво, словно диктуя диагноз невидимому ассистенту-практиканту, бормочет она. — Но вот эта неконтролируемая, кривая ухмылка на одну сторону, как при микроинсульте... Классический лицевой спазм Нервный тик, проще говоря.

Моя легендарная улыбка — нервный тик?!

Я — Максим Батурин. Миллиардер, гений переговоров и покоритель женских сердец. Но дед решил, что мне не помешает перевоспитание, и отправил работать в деревенскую ветеринарную клинику.

А там меня ждет Василиса — голубоглазая Мышка, которая не ведется на мое обаяние, раздает приказы и считает меня безнадежным пациентом.

Ничего, Мышка. Я еще заставлю тебя в меня влюбиться!

Вот только кто кого приручит первым? И почему при виде этой упрямицы мое собственное сердце начинает выходить из-под контроля?

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Полина Велес
Краш-тест для мажора. Мышка и Нахал

Глава 1

Макс

Скука. Беспросветная, вязкая, как эта осенняя деревенская грязь, норовящая сожрать итальянские туфли ручной работы.

Стою на краю вытоптанного газона фермерского хозяйства, где Тимур, старший брат, празднует свадьбу. Вокруг — ни одного столичного лица. Никаких натянутых улыбок партнеров по бизнесу, никаких силиконовых губ светских львиц или вышколенных официантов с подносами ледяного брюта. Только местные. Трактористы в парадных свитерах, доярки с перламутровой помадой, крепкие фермеры с обветренными лицами, глушащие домашнюю настойку прямо из граненых стаканов. Из колонок гремит какой-то дикий микс из народных артистов и локального диджея, заставляя вибрировать доски наспех сколоченного танцпола.

Брат, бывшая акула московского консалтинга, отплясывает в центре круга в расстегнутой на вороте льняной рубашке.

Смеется так, словно сорвал джекпот, обнимая свою пышку Алену — настоящую фермершу, владелицу этого коровьего царства. Тимур прошел местную «программу перевоспитания» первым, сломался, перековался и теперь выглядит абсолютно, неприлично счастливым. Массовый психоз, не иначе.

Стряхиваю пепел с сигареты, кутаясь в безупречный темно-синий пиджак. Октябрьский ветер пробирается под тонкую шерсть. Небо висит низко, тяжелое, свинцовое. Моросит.

Тимур вырывается из хоровода гостей, подходит, тяжело дыша и вытирая испарину со лба. Хлопает по плечу с такой силой, что едва не роняю сигарету.

— Ну как тебе колорит, Макс? — скалится брат, перекрикивая баяниста. — Привыкай. Здесь все настоящее.

Снисходительно смахиваю невидимую пылинку с рукава.

— Настоящее здесь только отсутствие базового комфорта, Тим. Месяц. Целый месяц, — затягиваюсь, выпуская дым в стылый воздух. — Я выживал без единой копейки.

Тимур перестает улыбаться. Оглядывается на главный стол, где восседает дед. Захар Ильич, патриарх семьи Батуриных, гроза конкурентов и главный кукловод наших жизней. Месяц назад этот старик заблокировал все карты, аннулировал пропуска и забрал ключи от квартиры на Патриках. Решил проучить очередного внука.

— Батурины не сдаются.

— Не сдаются, — соглашаюсь.

— И как ты выжил в Москве? — Тимур прищуривается. — Дед был уверен, что через неделю приползешь проситься обратно в холдинг на коленях.

Усмехаюсь. Вальяжно облокачиваюсь о деревянную опору шатра.

— Женщины, Тим. Женщины — самый возобновляемый, самый недооцененный ресурс на рынке. Главное — правильно составить договор, даже если он негласный. Кристина из маркетингового пула обожает демонстрировать статусных мужчин на пассажирском сиденье своего «Порше». Лена, владелица сети клиник, физически не выносит спать одна в пустом пентхаусе. А Светочка из Минфина просто счастлива, когда кто-то красиво наливает ей коллекционное вино и вдумчиво слушает жалобы на начальника-самодура. Квартира, машина, премиальные ужины, даже этот телефон последней модели. Мне не пришлось напрягаться ни на секунду. Пару правильных улыбок, немного дозированного внимания — и они сами несут все на блюдечке. Это просто сделка. Взаимовыгодный обмен.

За спиной раздается хруст гравия. Тяжелый и размеренный.

Захар Ильич опирается на массивную трость с набалдашником в виде волчьей головы. У него целая коллекция этих тростей и каждая ценой с мою машину, которую он забрал!

Выцветшие, но пронзительно острые глаза буравят на-

сквозь. Подслушал, значит.

Старик молчит. В этом молчании отчетливо читается вес многомиллионных контрактов, сломанных судеб конкурентов и абсолютной власти.

— Значит, ресурс, Максим? Сделки? — голос тихий, сухой, как шелест старых купюр, но от него по позвоночнику ползет неприятный холодок.

— Оптимизация издержек, Захар Ильич, — парирую, не отводя взгляда. Альфа не суетится перед вожаком, даже если его держат за горло.

Дед хмыкает. Едва заметно кивает собственным мыслям. Переводит взгляд на гуляющих фермеров, затем снова на меня. В желтых старческих глазах вспыхивает недобрый, расчетливый огонек. Старик разворачивается и молча уходит к столам.

Анализирую ситуацию. Угроза была близко, но, кажется, буря прошла мимо.

Количество выпитого шампанского — единственного приличного алкоголя на свадьбе брата — требует логического завершения. Игнорирую деревянные будки с сердечками на дверях, оккупированные подвыпившими трактористами. Отправляюсь на поиски санузла. Грязь чавкает, оставляя жирные комья на идеальной итальянской коже. Дергаю первую попавшуюся тяжелую дверь, уверенный, что за ней скрывается фаянс и горячая вода.

Вместо запаха освежителя обнаруживаю мокрое сено,

комбикорм и птичий помет. Из полумрака доносится звук. Противное такое шипение. Словно прокололи шину у груженого самосвала.

Из темноты сарая, тяжело переваливаясь на оранжевых лапах, выходит нечто белое. Пернатое и абсолютно отмороженное. Очень злой гусь. Птица вытягивает длинную шею параллельно земле. Черные глазки-бусинки фиксируют цель.

— Пошел вон! — рявкаю, отступая на шаг. Гусь не впечатлен. Хлопок огромных крыльев поднимает тучу едкой пыли. Удар твердого клюва в голень заставляет стиснуть зубы. Больно, черт возьми.

Разворачиваюсь. Идеальный костюм, укладка, статус финансового гения — все это разбивается о первобытный инстинкт самосохранения. Бегу по грязи, мимо ошарашенных доярок, мимо декоративных стогов сена. Сзади несется боевой топот и торжествующее, маниакальное гоготание пернатого киллера.

Влетаю в крайний шатер, снося на ходу хлипкую стойку с наливками. Рефлекторно ищу укрытие. Замечаю фигуру у стола с закусками, делаю резкий рывок и прячусь за чужую спину, выставляя ее живым щитом между собой и опасностью.

Гусь не спешит заходить. Останавливается у входа, победно шипит, метит территорию белой кляксой и гордо удаляется терроризировать округу дальше.

Выдыхаю. Провожу рукой по волосам, возвращая им при-

емлемый вид, поправляю сбившийся лацкан пиджака, выравнивая дыхание.

Живой щит медленно оборачивается. Это женщина. Причем довольно миленькая.

В голове моментально сканируется образ. Никакого шелка, никаких декольте, надутых губ или брендовых сумок. Плотный рабочий комбинезон цвета хаки, скрывающий изгибы, но не способный скрыть хрупкую стройность фигуры. Белая рубашка, застегнутая почти наглухо под самое горло. Волосы спрятаны под косынку, но несколько русых прядей упрямо выбились, падая на лоб. На щеках и носу — россыпь ярких веснушек, диссонирующих с абсолютной, пугающей серьезностью тонкого лица.

Но главное — глаза. Огромные, пронзительно васильковые. В них нет ни удивления, ни испуга, ни дежурного женского восхищения. Только холодная, профессиональная оценка. Словно под микроскопом разглядывают занятную, но слегка раздражающую бактерию.

Включаю режим донжуана. Баритон, который заставлял членов совета директоров соглашаться на невыгодные условия, а светских львиц — забывать номера собственных мужей.

Делаю полшага вперед и загоняю добычу в невидимый угол между столом и брезентовой стенкой шатра. Возвышаюсь сверху вниз, позволяя ауре власти и расслабленной уверенности заполнить сжавшееся пространство. От нее пахнет

мылом, чистым хлопком и чем-то неуловимо медицинским.

Наклоняю голову, вторгаясь в личное пространство. Губы бы привычно растягиваются в выверенной, слегка хищной усмешке, растягивая крошечный шрам на нижней губе. Деталь, безотказно работающая на создание нужного градуса опасности и порочности.

— Спаси меня, красавица, — голос вибрирует низкими обертонами, обволакивая, проникая под кожу.

Жду реакцию.

Она замирает. Взгляд синих глаз на долю секунды теряет фокус, спускаясь к шраму. Тонкая ткань белой рубашки вздрагивает — дыхание сбивается, грудная клетка часто поднимается, выдавая предательскую реакцию тела на мою близость. Но ее слабость длится ровно удар сердца.

Девушка делает резкий вдох. Скрещивает руки на груди, возводя глухую, непробиваемую стену отчуждения. Взгляд снова становится льдистым, сканирующим. Рассматривает лицо так, словно ищет симптомы серьезного заболевания.

— Нервный тик? — голос звучит сухо, ровно, с убийственной долей профессиональной усталости. — Защемление лицевого нерва? Попей магний, мажор, а то перекосит окончательно.

Слова бьют не хуже пощечины.

Ступор, вызванный непрогнозируемым сбоем системы. Хваленая харизма, безотказно открывавшая двери в спальни и кабинеты, с размаху разбивается о железобетонный ме-

дицинский цинизм. Чары не сработали, ни капли женского интереса. Только диагноз.

Пытаюсь перестроить стратегию, найти хлесткий ответ, но за спиной раздается знакомое сухое покашливание.

Оборачиваюсь. Захар Ильич стоит у самого входа в шатер, опираясь на тяжелую трость. Старческие губы кривятся в откровенно издевательской полуулыбке. Хитро щурится, оценивая мизансцену: растерянный столичный хищник, непробиваемая деревенская ветеринарша и маячащий вдалеке боевой гусь.

Прямо в грудь летят тяжелые, измазанные засохшей грязью резиновые сапоги. Ловлю на рефлексе, прижимая к дорогой ткани итальянского пиджака.

— Телефон, — чеканит старик, протягивая узловатую, покрытую пигментными пятнами ладонь.

— Захар Ильич, аппарат даже не мой, — пытаюсь сохранить остатки самообладания. — Взял у... знакомой. Для экстренной связи.

— Тем более отдавай, внучок. Нечего чужое имущество по деревне таскать.

Молча кладу тонкий смартфон последней модели в старческую руку. Последняя нить, связывающая с московским комфортом, банковскими счетами и привычным миром, обрывается.

Дед переводит взгляд на девушку. Тон мгновенно теплеет, становится почти отеческим.

— Василиса, девочка моя. Как клиника?

— Держимся, Захар Ильич, — она чуть кивает, не меняя позы. — Но запасы антибиотиков на исходе. Да и ремонт крыши в стационаре опять встал.

— Будут антибиотики. И рабочие руки будут. Знакомься. Это мой внук, Максим. Финансовый гений, мастер переговоров, — Дед делает эффектную паузу, наслаждаясь моментом. — А с завтрашнего утра — твой новый санитар.

Ледяная вода за шиворот. Дыхание перехватывает.

— Что? — слово вырывается само по себе, звучит хрипло и жалко.

— У тебя тридцать дней, Максим. Закроешь кассовый разрыв клиники раньше — вернешься в Москву, — старик бьет тростью по доскам танцпола, запечатывая приговор.

— Без кредитов или дотаций. Справишься — получишь доступ к счетам и кресло в совете директоров. Не справишься — останешься здесь пожизненно. Ресурс у тебя теперь один, эти резиновые сапоги.

Дед разворачивается и уходит, не дожидаясь ответа, тяжелые шаги затихают в шуме деревенской свадьбы.

Поворачиваюсь к своему новому начальству. Василиса смеряет меня долгим взглядом от макушки до носков безнадежно испорченных туфель. В синих глазах нет триумфа или злорадства, лишь глухая обреченность профессионала, которому вместо скальпеля подкинули ржавый гвоздь.

— Бери сапоги, мажор. Идем, покажу твой пентхаус.

Дорога занимает десять минут по разбитой колее. Ветер пронизывает до костей, забрасывая за воротник мелкую, колючую морось.

Здание клиники выныривает из серых сумерек — приземистая, покосившаяся одноэтажная постройка из потемневшего кирпича. Скрипит тяжелая входная дверь, обтянутая рваным дерматином. Густой запах хлорки смешивается с ароматом опилок, мокрой шерсти и дешевого корма.

Василиса молча проходит по узкому коридору, минуя ряды клеток, и указывает на крутую деревянную лестницу в самом углу. Ступени жалобно и опасно прогибаются под весом.

На чердаке ветер тянет из щелей под крышей. В углу сиротливо ютится облупившаяся металлическая раковина с ржавым краном. Рядом — узкая панцирная койка, застеленная выцветшим байковым одеялом. Ни шкафа, ни стола, ни обогревателя.

— Удобства на улице, за зданием стационара, — произносит Василиса, стоя на верхней ступеньке и глядя на меня сверху вниз.

— Вода в кране только холодная, привыкай. Подъем в шесть утра, красавчик, — и это был сарказм. — Начнешь с чистки вольеров, потом поможешь на фиксации Тайсона. И постарайся ничего не сломать.

Она разворачивается и исчезает где-то внизу.

Обреченно опускаюсь на матрас. Пружины впиваются в

спину, издавая протяжный металлический скрип. За мутным, немытым окном завывает октябрьский ветер, а снизу доносится тоскливый, протяжный собачий вой.

Идеальный план обмануть деда рухнул. И, судя по ледяному взгляду васильковых глаз, договариваться здесь придется по совершенно другим правилам, ведь на эту Мышку мое обаяние не действует.

Глава 2

Василиса

Утро начинается с въевшегося запаха дешевого хлора, сырой собачьей шерсти и застарелого, липкого отчаяния.

Сижу за обшарпанным столом в крошечной ординаторской. Пальцы с побелевшими костяшками сжимают шариковую ручку, пока взгляд быстро скользит по строчкам старой амбарной книги. Столбики цифр безжалостны. Долги за медикаменты поставщикам, просроченный счет за электричество, бесконечная смета на ремонт вечно текущей крыши в стационаре. Красная паста сливается в сплошное кровоточащее пятно. Дебет с кредитом не сходится категорически.

А теперь ко всем проблемам добавилась еще одна. Столичная. Весом под девяносто килограммов чистого снобизма, упакованного в дизайнерские шмотки.

Стискиваю зубы, пытаясь подавить глухое раздражение. Выгнать Батурина нельзя. Захар Ильич — не просто вредный старик с причудами, решивший поиграть в сурового воспитателя. Он главный инвестор района, владелец агрохолдинга, от которого зависит половина местных. Одно слово патриарха, и клинику сровняют с землей быстрее, чем успею вывезти клетки с больными животными. Придется терпеть этого лощеного паразита.

Со стороны коридора раздается скрип. Старые полови-

цы жалобно стонут под тяжелыми, размеренными шагами. В дверном проеме возникает мое наказание.

Нахальный Батурин. Помятый, явно не сомкнувший глаз на промерзшем чердаке, с жесткой темной щетиной на точеных скулах. И все равно возмутительно, дьявольски красивый. Темно-синяя рубашка измята, но сидит так, словно ее только что подогнали в закрытом миланском ателье. Волосы взъерошены после ночи на тощем матрасе, однако эта небрежность лишь добавляет ему порочного, хищного очарования.

Поднимаю взгляд от бухгалтерской книги. Сталкиваюсь с непроницаемой желтизной янтарных глаз. В них ни грамма раскаяния. Ни тени смирения. Только холодная, расчетливая оценка новой территории.

Раздражение вспыхивает с новой силой. Решает поиграть в сурового ссыльного? Отлично. Деревенская грязь быстро стирает московский лоск.

Поднимаюсь из-за стола. Сдергиваю с крючка тяжелый клеенчатый фартук, покрытый подозрительными бурыми пятнами, и швыряю прямо в широкую мужскую грудь.

— Раз уж вчера у тебя обнаружился выдающийся талант открывать чужие двери и выпускать на волю территориальных гусей, — натягиваю плотные латексные перчатки, — сегодня будешь отрабатывать ущерб. Люцифер перевернул два ведра с отборным зерном. Но это потом. Сначала — фиксация моего пациента. Надевай и иди за мной.

Указываю подбородком на смотровой стол в центре процедурной. На металлической поверхности глухо рычит Тайсон — восьмидесятикилограммовый алабай, гроза всей деревни. Пес скалит желтые клыки, нервно переступая мощными лапами, когти с противным скрежетом скользят по стали.

Батурин ухмыляется и ловит грязный фартук на лету. Не произносит ни слова. Ни единого возражения или брезгливой гримасы. Медленно, не разрывая зрительного контакта, начинает расстегивать пуговицы на манжетах.

Дыхание внезапно застревает в пересохшем горле. Взгляд намертво прилипает к его левой руке. От запястья и выше, скрываясь под закатанной тканью рубашки, тянется сложная, объемная татуировка. Мрачный, детализированный лес. Переплетенные голые ветви, глубокие тени, идеальная, пугающе реалистичная работа мастера. По моей спине бегут мурашки.

Но дело даже не в рисунке.

Батурин делает шаг к столу, плавно заходя сбоку, вне зоны видимости зубов. Встает вплотную к рычащему псу, кладет одну ладонь на массивную, покрытую густой шерстью шею алабая, вторую жестко фиксирует на крупе.

Пес дергается, пытаясь вывернуться, издавая глухой, угрожающий рык. Мажор применяет силу. Под загорелой кожей предплечий мгновенно вздуваются тугие канаты мышц, образуя стальной рельеф. Ткань брендовой рубашки натягивается на плечах и груди с такой силой, что, кажется, треснет

по швам. Батурин прижимает огромную, сопротивляющуюся собаку к металлу одним слитным, непоколебимым движением.

Абсолютное физическое превосходство. Без суеты и лишней агрессии. Уверенная, грубая мужская мощь, которую невозможно спрятать ни под какими костюмами. В спортзал этот пижон ходит явно не для того, чтобы делать селфи.

Сглатываю вязкую слюну, отчаянно пытаясь вернуть профессиональную концентрацию. Давненько я не стояла вот так рядом с кем-то симпатичным. Обычно ко мне приходят фермеры да работницы со своими питомцами.

Пальцы чуть подрагивают, когда снимаю колпачок со шприца с вакциной.

Батурин перехватывает мой растерянный взгляд. Уголок рта дергается, и белесый шрам у губы становится заметнее.

— Нравится искусство, доктор? — низкий баритон пробирается прямо под кожу, отдаваясь странной тяжестью внизу живота. — Могу дать рассмотреть поближе.

Щеки обдает кипятком. Вспыхиваю до корней волос, ненавидя себя за эту секундную физиологическую слабость.

— Держи крепче, искусствовед, — бросаю ледяным тоном и точным, резким движением всаживаю иглу в жесткую холку алабая.

Пес дергается всем телом, но Батурин держит намертво, словно стальные тиски. Едва успеваю вытащить иглу и протереть место укола спиртом, как во дворе клиники урчит

мощный мотор.

В клинику входит хозяин алабая — местный фермер, дядя Миша. Окидывает взглядом процедурную, демонстративно не замечая застывшего у стола Батурина, и сразу направляется ко мне, молитвенно складывая пухлые руки на груди. Начинается уже привычный спектакль.

— Василисушка, выручай, спасительница ты наша, — голос фермера сочится фальшивым горем. — Тайсона-то привили? Уж боюсь я его сам держать, зверь, а не собака. Слушай, дочка... И антибиотики бы для телят забрать, один совсем слег, не встает. Но денег сейчас — во! — он показывает выразительный кукиш. — Ни копейки в доме! Жена запилила, трактор на прошлой неделе сломался, солярка дорожает, одни убытки. В долг запиши, а? Со следующего удоя все-все верну, клянусь здоровьем! И за прививку, и за лекарства сразу отдам!

Знакомая песня. Я слушаю этот монолог из месяца в месяц. Смотрю на его помятую кепку, зажатую в руках, на жалобный взгляд. Собак без прививок оставлять нельзя — карантин по бешенству никто не отменял. Да и телята не виноваты, что хозяин жадный.

Молча киваю, сдаваясь. Открываю гудящий холодильник, достаю последние три флакона нужного препарата, закидываю в полиэтиленовый пакет несколько упаковок витаминов.

— Забирайте своего Тайсона. И пакет, — протягиваю медикаменты. — Потом сочтемся, дядя Миша.

Фермер рассыпается в громогласных благодарностях, хватает пакет, цепляет поводок к ошейнику алабая и торопливо, пока я не передумала, вылетает за дверь.

В клинике повисает плотная, звенящая тишина.

Стягиваю перчатки и поворачиваюсь к раковине. Струя ледяной воды с шумом бьет по пожелтевшему фаянсу.

— Ты в курсе, что он тебя только что поимел?

Голос Батурина звучит совершенно иначе. Никакой бархатной хрипотцы, никакого флирта или вальяжных интонаций, какие я слышала вчера на свадьбе его брата. Металл бьет по кафельным стенам.

Оборачиваюсь. Макс стоит у окна, методично вытирая бумажным полотенцем руки. Лицо серьезное, угловатые черты заострились, челюсти плотно сжаты. Желтые глаза потемнели, превратившись в два непроницаемых, опасных камня. Передо мной больше не мажор на отработке, а хладнокровный хищник.

— За окном стоит новенький японский внедорожник. — Кивает в сторону двора. — Куртка на этом артисте погорелого театра из последней коллекции. Часы на запястье — качественная реплика, но тысяч сто они стоят.

— Не твое дело, — отрезаю, яростно вытирая руки полотенцем. —Твоя работа — вольеры чистить, а не в чужой карман заглядывать.

Батурин бросает бумажный комок в урну. Делает шаг ко мне.

— А на пассажирском сиденье его новенького джипа, — продолжает Макс, игнорируя мои слова, его голос становится пугающе тихим, — сидит крашеная блондинка лет двадцати пяти и поправляет помаду в зеркальце заднего вида. Судя по свежему маникюру, она явно не та жена, которая, по его словам, «запилила из-за сломанного трактора». Похожа на классическую содержанку местного разлива. А ты только что отдала этому спонсору дефицитную вакцину и препараты абсолютно бесплатно.

Слова бьют прямо в цель. Замираю, не зная, что ответить. Образ Ленки, с которой, по слухам, гуляет дядя Миша, идеально ложится на описание.

Батурин делает еще один быстрый, угрожающий шаг. Встает вплотную.

— Это мое дело, Василиса. Дед поставил условие: я вытаскиваю клинику из убытков, или гнию в этой дыре до старости. А ты раздаешь товар даром местным халявщикам. Это прямые убытки. Кассовый разрыв.

— Но не все в этом мире крутится вокруг денег, маржи и твоих корпоративных правил! — срываюсь я, отступая, пока спина не упирается в край раковины. Внутри закипает бессильная злость.

— Я не могу брать оплату с фермеров, если животным нужна помощь! Теленок или пес умрет. Животные не виноваты!

Батурин нависает сверху, подавляя габаритами и тяжелой,

агрессивной аурой. Взгляд желтых глаз пригвождает к месту. Запах его кожи заполняет легкие. Губы кривятся в откровенно безжалостной усмешке.

— Бедных фермеров? — он глухо смеется, и в этом звуке нет ни капли сочувствия, только ледяной расчет. — Мышка, тебя просто доят. Нагло, цинично и регулярно. И я это прекращу. Нравится тебе это или нет.

Глава 3

Максим

Три дня в этой клинике. Семьдесят два часа лая, запаха медикаментов и ледяной воды по утрам.

План предельно прост: мимикрировать под ландшафт. Усыпить бдительность. Столичный сноб покорно скребет вольеры, таскает мешки с кормом и молча держит брыкающихся пациентов, пока синеглазый ветеринар делает уколы. Василиса расслабилась. Перестала провожать каждый шаг подозрительным, колючим взглядом. Решила, что мажор сломался под тяжестью суровых деревенских будней.

Грубая ошибка. Хищник не ломается, а затаивается в высокой траве перед броском.

Дожидаюсь, пока Василиса уйдет в стационар ставить капельницу спаниелю. Дверь ординаторской тихо скрипит. Проникаю внутрь, мгновенно сканируя пространство. Цель — старая тетрадь, брошенная на краю обшарпанного стола.

Открываю ее и пролистываю страницы, исписанные мелким, убористым почерком.

Мозг финансового аналитика, привыкший оперировать девятизначными суммами и сложными корпоративными схемами, на секунду зависает. У клиники, судя по ведомости, есть финансовый план. Разориться к ноябрю.

«Ивановы — корова, родильный парез. Бесплатно (пятеро

детей)». «Степанов — осмотр отары. В долг до весны». «Баба Нюра — стерилизация кошек. Бартер (ведро картошки)».

Пробегаю глазами столбцы. Вся деревня, весь район нагло, систематически и абсолютно безнаказанно лечит здесь скот за счет личного времени и нервов Василисы. Они давят на жалость, прикрываются многодетностью, сломанными тракторами и плохим урожаем. И колючая, неприступная докторша, которая так лихо ставит на место меня, тает перед каждым местным халявщиком, отдавая последние лекарства.

Эго профессионального переговорщика взрывается глухим раздражением. Оскорбление профессии. Неуважение к базовым законам экономики. С громким хлопком закрываю тетрадь. Пора показать этой упрямой, застегнутой на все пуговицы Мышке, что столичный пижон умеет не только раздражать.

Но местная фауна решает внести коррективы в мои планы. Финальным ударом по столичному эго становится пациент по кличке Борька.

Это рогатое исчадие ада — живая легенда Светлых Зорь. Раньше козел жил у Алены, жены Тимура, и брат на свадьбе с содроганием вспоминал, как Борька методично сожрал у него важную финансовую отчетность для деда и постоянно мешал целоваться с будущей невестой. После свадьбы Алена скрепя сердце пристроила этого демона в добрые руки — местному деду Петро. Козел хоть и обладал характером ма-

терого рецидивиста, но деревня в нем души не чаяла: Борьку все подкармливали и считали чуть ли не талисманом округи.

Теперь всеобщий любимец прибыл к нам на плановый осмотр и обрезку копыт.

Дед Петро привязывает рогатую звезду к столбу у забора и отходит в сторонку, предупреждающе махнув рукой:

— Ты, парень городской, спиной к нему не становись. Борька у нас с гонором, интеллигенцию на дух не выносит.

Снисходительно усмехаюсь. Я закрывал сложнейшие корпоративные слияния и ломал зубы рейдерам. Неужели спасую перед парнокопытным деревенским символом?

Подхожу уверенным шагом. Включаю жесткий, доминантный взгляд «глаза в глаза», расправляю плечи. Применяю базовую методику бесконфликтного переговорного сближения:

— Спокойно, рогатый. Сейчас подровняем копыта и разойдемся. Без резких движений. Ты не дергаешься — получаешь капусту.

Козел замирает. В его желтых прямоугольных зрачках вспыхивает чистая классовая ненависть. Тварь делает вид, что увлеченно нюхает забор, притупляя мою бдительность.

Стоит наклониться, чтобы зафиксировать переднюю ногу, как Борька проводит молниеносный, отработанный маневр. Короткий боковой выпад рогами точно под колено — ноги подкашиваются, равновесие теряется. Пока пытаюсь удержаться в чавкающей жиже, деревенский любимец с хрустом

вцепляется зубами в карман куртки, выдирает кусок глядя прямо в душу, сжевывает его.

— Твою мать! Борька, выплюнь, это импорт! — пытаюсь перехватить наглую морду.

Козел довольно блеет густым басом, смачно сплевывает клочок ткани мне прямо на ботинок и с глухим стуком прикладывает рогами аккурат по филейной части, отправляя столичного переговорщика знакомиться с сырой осенней землей.

Скрипит дверь. На крыльцо выходит Василиса. В руках у нее крупное зеленое яблоко. Молча оценивает картину маслом: сидящий в грязи санитар и сыто чавкающий козел-террорист.

— Пытался применить столичные техники, Батурин? — невозмутимо интересуется она, протягивая яблоко. Борька тут же превращается в кроткое, невинное создание и аккуратно берет угощение теплыми губами.

— Борька признает только жесткий бартер и «белый налив». Алена его именно так воспитывала.

Выхожу на задний двор клиники. Октябрьский ветер тут же забирается под воротник куртки, но внутри кипит адреналин. Взгляд цепляется за гору неколотых дров, сваленных у забора. Старая кирпичная печь в стационаре жрет топливо как не в себя.

Смотрю на окна ординаторской. За мутным стеклом мелькает знакомый силуэт в хаки. Василиса вернулась на пост.

Отлично. Зритель в партере, можно начинать представление.

Сбрасываю куртку на деревянную скамью. Воздух обжигает холодом, но этого мало. Медленно расстегиваю пуговицы рубашки. Стягиваю через голову, бросаю поверх куртки. Остаюсь по пояс голым.

Низкая температура заставляет мышцы мгновенно прийти в тонус. Кожа покрывается мурашками, но кровь быстро разгоняет тепло по телу. Беру в руки старый топор с потемневшим, отполированным чужими ладонями черенком. Тяжелый. Не идеальный баланс, но сойдет.

Ставлю полено на колоду. Размах. Удар. Дерево с сухим треском разлетается надвое.

Ловлю ритм: размах, удар, выдох. Физический труд прочищает мозги. Топор со свистом рассекает стылый воздух. Спина и плечи быстро покрываются испариной. Чувствую, как натягиваются мышцы, как перекатываются узлы под татуировкой на левом предплечье. Знаю, как это выглядит со стороны. Расчет идеально точен — краем глаза замечаю, что силуэт в окне замер. Мышка смотрит. Внимательно меня изучает.

Скромница.

Решаю добавить амплитуды. Беру самое толстое, сучковатое полено. Рисуюсь, вкладывая в удар всю силу корпуса. Лезвие со звоном входит в древесину. И намертво вязнет в сухом узле.

Дергаю на себя. Полено приподнимается вместе с топо-

ром. Чертыхаюсь сквозь зубы. Упираюсь ботинком в колоду, рву черенок на себя с удвоенной силой.

Громкий, жалобный хруст дерева. Отшатываюсь назад, едва удержав равновесие. В правой руке зажат огрызок деревянной рукоятки. Лезвие топора намертво торчит в полене, издевательски поблескивая на тусклом осеннем солнце.

Перформанс с треском провалился. Сжимаю челюсти, неловко взлохмачивая волосы свободной рукой. Фасад безупречного столичного мачо дал трещину, но, может, это даже к лучшему?

Скрипит входная дверь. Василиса уже стоит на крыльце. Лицо абсолютно непроницаемое, но в уголках васильковых глаз пляшут откровенные, издевательские смешинки. В руках она держит новый топор с блестящим, светлым черенком.

— Решил отомстить дровам за уязвленное козлом эго, Батурин? — голос ровный, но сарказм капает с каждого слова. Она спускается по ступенькам.

— Старое топорище прогнило. Я сама их не рублю, обычно Степаныч помогает, когда трезвый. Держи замену, лесоруб.

Она протягивает инструмент. Отбрасываю бесполезный обломок в сторону. Делаю шаг навстречу. Но вместо того, чтобы взять топор за рукоять, перехватываю инструмент выше, намеренно скользя пальцами по ее теплой ладони.

Василиса вздрагивает, пытается одернуть руку, но я не

отпускаю топор, вынуждая ее остаться на месте. Делаю еще один шаг. Она оказывается зажатой между моей грудью и массивными перилами крыльца.

Смотрю сверху вниз. От моего разогретого тела тянет теплом, пахнет свежеспиленной сосной, влажным октябрем и терпким мужским потом. Грудь тяжело вздымается от недавней нагрузки. Синие глаза напротив мгновенно темнеют, зрачки расширяются, затапливая радужку.

Дыхание Василисы дает сбой. Грудь под плотной тканью комбинезона часто и прерывисто поднимается. Она сглатывает, и это движение тонкой шеи приковывает взгляд.

— Смешно тебе, доктор? — голос падает до вибрирующего, низкого шепота. Поднимаю свободную левую руку. Тянусь пальцами к ее лицу. Василиса замирает, как пойманная птица. Ни единого слова сарказма. Только сбитое дыхание и пульсирующая жилка на шее.

Останавливаю указательный палец в миллиметре от расстегнутой верхней пуговицы ее рубашки.

— Твой пульс громко стучит прямо здесь, Мышка, — произношу прямо в ее покрасневшее ухо. — Бьется так, словно ты бежала от того бешеного гуся.

Она судорожно вдыхает. Воздух с шипением проходит сквозь приоткрытые губы. Василиса легко теряет контроль, когда я рядом. Не мудрено, в этой глуши нет нормальных мужиков. Явственно чувствую победу — еще секунда, и ее железобетонная броня рухнет.

Резкий визг тормозов рвет тишину двора. Из-под колес старой, проржавевшей «Нивы» летят ошметки грязи. Машина останавливается в сантиметрах от забора. Водительская дверь распахивается настежь.

Из салона вываливается женщина, прижимая к груди завернутое в куртку нечто.

— Доктор! Вася! Ради бога! Отравили! — дикий, истеричный крик бьет по перепонкам.

Морок спадает мгновенно. Василиса с силой отталкивает меня, отбрасывая топор на доски крыльца. Глаза моментально светлеют, обретая хирургическую, холодную резкость.

— В процедурную! Быстро! — командует она женщине.

Поворачивается ко мне. Растерянность и сбитое дыхание мгновенно исчезают. Остаются только сталь и профессионализм. Василиса реально очень хороший ветеринар.

— Батурин! Мыть руки по локоть, надеть перчатки, подготовить систему для капельницы. Бегом!

Она быстро скрывается за дверью. Хватаю куртку на ходу, влетаю в клинику помогать своей Мышке.

Следующие два часа стирают из реальности все, кроме въедливого запаха медикаментов и писка старого кардиомонитора. Стою у металлического стола, затянутый в фартук. На стали бьется в конвульсиях крупный рыжий кот. Тяжелейшее отравление крысиным ядом.

Василиса работает с пугающей скоростью. Но я вижу, как предательски дрожат ее пальцы, когда она пытается попасть

иглой в вену на крошечной лапе. Встаю рядом с ней. Мы – одна команда.

— Держи лапку. Жестко, но не передави, — бросает она, не поднимая головы.

Фиксирую животное. Помогаю Василисе: набираю препараты в шприцы, передаю инструменты с точностью операционной сестры. Действуем в унисон, без лишних слов, понимая друг друга на уровне жестов.

Украдкой поглядываю на ее профиль. Бледная кожа, испарина на лбу. Она бьется за жизнь рыжего комка с таким остервенением, словно это корпорация стоимостью в миллиард. И в этот момент, глядя на перепачканные руки Мышки, я отчетливо понимаю: ни одна из моих столичных сделок не стоила столько, сколько стоит сейчас один ровный удар этого крошечного сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.